

УДК 81'373.2

Гурская Ю.А.

ФАМИЛИИ ТЮРКСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В ПАМЯТНИКАХ ПИСЬМЕННОСТИ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО

В статье рассматриваются структурно-семантические особенности антропонимии тюркского происхождения в аспекте этнолингвистических отношений, существовавших на территории Великого княжества Литовского в XIV – XVI вв. Зафиксированы процессы взаимовлияния, унификации антропонимических систем на полиэтнической территории.

Ключевые слова: антропонимы, ономастика, собственные имена, языковые и культурные контакты.

В настоящее время актуальной является проблема исследования фамилий – наследственных семейных именований как особого лингвокультурного феномена, что связано с актуализацией антропоцентрической парадигмы в гуманитарных исследованиях. Особую значимость анализ ономастических материалов может сыграть в изучении языковых контактов, поскольку, ономастическая система с течением времени становится своего рода хранилищем реликтов древности [1, с. 12].

В XIV– XVIII вв. на землях Великого княжества Литовского (ВКЛ) проживали разные народы и этнические группы, которые использовали собственный язык или диалект одновременно с канцелярским языком, что приводило к языковой интерференции [2], взаимному сближению, результатом которого стала коммуникативная общность ВКЛ [3, с. 14]. Лингвистический анализ татарской антропонимии данных территорий может дать важный материал для изучения процессов языковой и этнической интеграции пришлого населения в Великом княжестве Литовском. Однако проблема функционирования онимов тюркского происхождения в контексте этнолингвистических отношений на землях ВКЛ остается недостаточно изученной, что определяет актуальность данной работы.

Начало интенсивной татарской колонизации на землях ВКЛ связывается с деятельностью великого князя литовского Витовта и его походами на татар в

1397 – 1398 гг., в результате которых в конце XIV в. военные татарские поселения появились около главных политических центров государства: Тракая, Вильно, Крева, Новогрудка, Гродно и Минска с целью быстрой мобилизации войска в случае внезапной военной угрозы. Татарские поселенцы занимались торговлей и ремесленничеством, работали в сельском хозяйстве. Военную службу они проходили в казацких частях при дворе великого князя [4 с. 663 – 664].

По мнению исследователей, татары, прибывшие на территорию ВКЛ, не были однородной этнической группой. Они использовали разнообразные диалекты и тюркские языки, что явилось, наряду со смешанными браками с местными христианками, одной из основных причин утраты родного языка в преобладающем славянском окружении [5]. Наиболее распространенным среди татарского населения Литвы исследователи считают язык кыпчакской группы, насыщенный турецкими и арабскими заимствованиями, который вышел из употребления в XVI веке [6]. Сохранились священные книги и молитвенники (китабы и хамаилы), написанные в середине XVI в. арабским алфавитом на белорусском языке, а в XVII – XIX вв. – на польском, которые отражают черты, присущие другим этнолектам ВКЛ [7].

Процесс формирования татарской антропонимии с самого начала подвергался сильному влиянию славянских языков. Две доминирующие на территории ВКЛ славянские культуры, польская и восточнославянская, оказали значительное влияние на антропонимическую систему татар. Отмечается влияние двух основных структурных моделей: 1) на *-ович*, функционирующей в XV – середине XVI вв.; 2) на *-ский*, которая со 2-й половины XVI в. связывается с возрастающим влиянием польской культуры [8, с. 205].

При описании фамилий тюркского происхождения за основу нами берутся материалы Литовской метрики, передающие документы Великого княжества Литовского XV – XVI вв. [9], [10], [11], [12], [13], [14]. Данные источники содержат обширный материал, свидетельствующий о славяно-балто-тюркских языковых и культурных контактах населения ВКЛ на протяжении нескольких

столетий. Для сопоставления привлекался также антропонимический материал, собранный экспедиционным путем.

В памятниках XV в. отмечены наименования одним антропонимом в сочетании с этнонимом или указанием на титул в препозиции: *татарину Ислыму, татарину Абрагиму, князю Бахтыяру; Кадышу, Келдышу, Абердею*. Употребляемые татарами антропонимы подвергались процессам адаптации, в силу чего возникали гибридные наименования: тюркоязычная основа + славянские суффиксы *-ович* и *-ский*. Наиболее частотной является двучленная формула наименования, где в качестве второго компонента выступает патроним с суффиксом *-ович/-евич*, что характерно для исследуемой территории в XV – XVI вв. Зафиксированы следующие типы наименований:

1) татарское имя + патроним от татарского мужского имени: *Баураш Азарович* < тюрк. *Azar* < араб. «помогать»; *Мустафа а Мортуза Азизковичи* < *Азизов* «могущественный»; *Баран Асанович, Влан Санчукович* < *Асан* < тюрк. *Asan* ~ *Hasan* < ‘Хасан, имя одного из сыновей Али’, букв. прекрасный; *Тактажа Ахмат-ович* < *Ахмат* < араб. *Aḥmad* «достохвальный»; *Али Касымович* < араб. *qasim* «красивый, милостивый»; *Давлен Киревич* – от имени *Кирей-Гирей*; *girej* – «прозвище крымских ханов»; *Абрагим Куткович* < тюрк. *Qutlu~Quttu* или *Qutlug~Quttug* ‘счастливый’ (форма *quttu-guttug* характерна для кыпчакских тюркских языков); *Бузун Тимиревич* < тат. *timir* ‘железо, железный’ [15, с. 30-32; 256, 100, 128, 232, 215].

Отдельные патронимы образованы от имен двадцати восьми «пророков», взятых Кораном из библейской традиции: *Магметъ Обдуличъ* < ‘*Abdullāh* «слуга Господа»; *Арам Алиевич* (: ‘*Alī*) – одно из имен Бога «Всевышний»; *Минко Муступич, Мустуфичи* < *Мустафа* «Избранный»; *Санчин а Тян Рибердеи Магметовичи* < *Магомед* < араб. *Moḥammed*.

2) христианское имя + патроним от татарского имени: *Васко Солтанович* < *Салтан* < араб. *sultān*; *пану Воитеху Кучук-овичу* < *küçük* ‘маленький’; *Щасный Асанович*; *Федьку Мансурову* < *Мансур* < араб. *Manṣūr* ‘находящийся под защитой’ [16, с. 292 – 295]; *Янко Бердышевич* < *Берди* : *ber-di* ‘он дал’; *Миско*

Чогаидаевич < Ćayataj – тюрк. племенной союз, названный по второму сыну Чингиз-хана < монг. *ĉayātaj* ‘белесый’ или от имени *Джагадай* ~ *Чагатай*, в основе которого монг.-тюрк. *džayataj*~*ĉayataj* ‘храбрый, честный’ [17];

3) татарское имя + патроним, образованный от славянского имени или прозвища: *Воиноша* а *Бойтыш* **Богдановичи**; *Осман* **Некрашевич**, *Махмет* **Казимирович**, *Иляс* **Богданьцович**, *Влану* **Толстому**.

4) христианское имя + патроним от христианского имени: *Олешко* **Супрунович**, *Семен* **Глебович**, *Казим* **Иванович**, *Осан* **Левонovich**, *Азим* **Степанович**; *Араз* **Адамкович**.

5) христианское имя + патроним от имени или прозвища славянского происхождения: *Мась* **Волкович**, *Федор* **Станькович**.

В рассматриваемых источниках зафиксированы патронимы Pluralia tantum в качестве наименования братьев: *Кадыш* а *Малыш*, а *Давлет* **Лукашынцы**; **Асань-чук-овичом**: *Влану* брату его *Маику* а братаничу их *Юхну*.

Отмечены структуры: антропоним + антропоним, где второй компонент выполнял функцию патронима: *Улаз* **Бердеи**; *Ян* **Кучюк**; *Юрьи* **Булгак**. Единично представлены наименования татарское имя + антропоним литовского происхождения: *Мордас* а *Жи-борть*: *Мордас* < перс. *turdesuj* ‘человек, который обмывает мертвых у мусульман’; *Жи-борть* < лит. *Žy-bartas*, где первый компонент связан с лит. *žygis* ‘поход’, ‘поступок’, ‘подвиг’; второй компонент – лит. *barti* ‘бранить’, ст.-слав. *branь* ‘битва, бой’ [18, с. 167].

В XV в. у представителей шляхетского сословия появляются фамилии с суффиксом *-ский/-цкий*: **Халецкому**; **Остафей Халецкий**.

Татарские имена адаптировались путем присоединения славянских суффиксов: *Алеи-ко*, *Ад-ко*, *Куц-ко*, *Легуш-ко*, *Олиш-ко*, *Хас-ко*, *Хон-ко*, *Магр-ец*, *Борзд-ило*, *Якуб-ец*, *Воин-оша*, *Баран-ок*, *Чарач-ик*.

Зафиксированы также литовские и литуанизированные славянские имена, употребляемые татарами: *Михнели* < лит. *Miknius*, *Michnius* (Mikolaj) + *-elis*; *Петюлис* < лит. *Petras* + *ulis*, *Стан-юлис* < лит. *Stani-ulis* : Stanislav.

Заслуживают внимания процессы взаимовлияния татарской, славянской и балтийской антропонимических систем. Отмечается функционирование в антропонимах одних и тех же или тождественных по форме суффиксов и финалей (термин А.В.Суперанской), что приводило к явлению конвергенции: тат. -ук/чук: *Аиз-юк, Аин-юк, Бо-юк, Сюнд-юк*; балт. -ukas : лит. *Der-ùkas, Lab-ukas, Lad-ukas, Rud-ùkas*; бел. *Аўс-юк, Бабр-ук, Блізн-юк, Бял-юк, Мац-ук, -ус*: тат. *Ильд-ус, Ур-ус, Юлд-ус, Юн-ус*; -us: лит. *Andzi-us, Laĩm-us, Lãj-us, Mitk-us, Rimk-us*. При этом заимствование христианских, славянских и литовских имен, а также моделей наименований славянской культуры, не влекло за собой смену вероисповедания. Многие представители татарского населения благодаря толерантной внутренней религиозно-этнической политике ВКЛ сохраняли ислам [19, с. 327– 379].

Вторую группу составляют наименования, включающие имена и патронимы, образованные от прозвищ: *Аусуп Абазович* < турец. *abaza* «глупец»; *Тарас Базарович* < *Базар* < из тюрк. *bazar* «рынок» – прозвище у людей, родившихся в базарные дни; *Петр Барашевич* < из тюрк. *baraş* < араб. *farraş* «слуга, уборщик»; *Басмановичи* < *басман* «дворцовый хлеб» из тюрк. *basma* «давленный»; *Байраш Болочевич*, ср. тюрк. *baldyz* «свояченица, свояк», ср. русск. рег. *болд-ырь* «помесь русск. и калм. овцы; помесь татар, калмыков и др. с русск., метис»; *Михно Букрябич, Евлаш Букревич* – от тюрк. *bükri~bükri* «горбатый, горбун»; *Януш Кадыш* < *qadaş* «родственник, брат», возможна контаминация с монг. *quad* «свойственники»; *Елякиш Кобякович* < *köbäk* «собака»; *Карачевич, Корач*, вероятно, от крымско-тат. *qaraşu* «верный слуга, наблюдатель, министр» или тур. *qaradža* ~ *qaraşa* «черноватый»; *Корсак Боркула* – из тюрк. *gorsaq* «степная лисица; вообще лиса, волк», тат. *карсак* то же; *Ивашко Кочкар, Матьяс Кочькаревич* < тюрк. *qoşqar* «баран»; *Юсуна Ладышкович* – от славянского заимствования у литовских татар, адаптированному как *ladyka, ladyszka*; *Прич Сара-евич, Сарай, Тан Сарыш* < *sarräj* «шорник»; *Тактамыш Танышевич* < тат. *tanuş* «знакомый»; *Мандын Телешевич* – от тат. *tilaş* «желание», произв. форма глаг. *tilä* «желать» + аффикс

имени действия *š* либо от тат. *tili* 'глупый, дурной' + аффикс с уменьш.-ласк. значением *tiliš* 'глупыш'; *Богдану Чаликовичу* < тат. *çal* 'седой (метаф. старик), седоватый'; 'рыжая или красная масть лошади или верблюда'[20]; *Федор Колоньтаи* < тюрк. *кулунтай* 'жеребенок' [21, с. 43].

Часть фамилий образована от арабских слов, связанных с мусульманской верой: *Мацуля Курманчукович* < из араб. *qurbān* «жертва, жертвоприношение» с характерным казанско-ногайским переходом «б» в «м»; *Варлам Рамаданович* < *Ramaḍān* «девятый месяц» (месяц поста); *Бахтыяру Сеитовичу* < *saijīd* 'принц, потомок пророка' или *sa'id* 'блаженный, счастливый' [22].

Третью группу составляют наименования, содержащие личное имя и патроним, образованный на базе сложного имени:

Богдану Алибердеевичу < *Alla* < араб. *allah* 'Бог' + тур. *ber-di* 'он дал', *Али Алыкучукович*, ср. *Alla* < араб. *allah* + тат. *küciük* «маленький, молодой»; *Кильдияр Бахтыярович* < из тюрк. *baxt* < перс. *bāht* 'счастье' + перс. *jar* < *jar* 'друг, сотоварищ', букв. 'сопутствующий счастью'; *Якуб Келдовлетович* < тюрк. *geldi/keldi* «он пришел» + *савлет* < араб. *dawlat* «удача, счастье»; князь *Мортуза Маликбашич* < *Мелик* < тюрк. *melik* 'король' < араб. 'король, монарх' + тат. *баш* 'голова'; *Асан Шаддавет* < *Шах* < перс. *šāh* «правитель», *давлет* < *dawlat* «удача, счастье»; *Булгак Сидамет-ович* < *saijīd* 'принц, потомок пророка' или *sa'id* 'блаженный, счастливый' + *Ахмед* 'достохвальный' [23].

Четвертую группу составляют наименования, содержащие имя + патроним, образованный от этнонима: *Грин Липчын* < *Липка* (название татар в ВКЛ как результат субституции онима *Литва*); *Тотум Татарин, Давыд Турчин*.

Наименования женщин, употребляемые спорадически, также отражают влияние славянской антропонимической системы. В памятниках представлены структуры с формантом *-ова*, образованные от имени мужа: *кнегиня Тактамышовая, Мордасовая удава; Обдулиная вдова, Улановая вдова*.

Наряду с двучленной формулой в документах отмечены и трехчленные структуры, что связано с потребностью более точной идентификации: *Альму Врусу Влановичу; Ахмет Влан Асанчукович, Иван Александрович Солтан;*

Тургенев Каспор Ыванович. При этом патронимические наименования на *-ович/-евич* являются в какой-то степени искусственными образованиями, принятыми в официальных документах великокняжеской канцелярии. В частной переписке татары вплоть до конца XVIII в. часто подписывались фамилиями на *-оглы* [24].

Как показывает материал, языковые особенности системы наименования отражают черты, свойственные другим этнолектам ВКЛ: 1) фонетические особенности: протеза *-в-*: *Восмановичъ, Вахъметъ*; 2) словообразовательные: *Аин-ишко, Алеи-ко, Хоч-ушк-ович, Дав-ка, Хас-ко, Магр-ец, Мац-уля, Борзд-ило, Воип-оша, Сюнч-ок, Асанъ-чук-ович*.

Апеллятивы тюркского происхождения засвидетельствованы также в современных белорусских, польских и литовских фамилиях. Большая часть таких фамилий оформлена по законам данных языков: бел. *Ахматовіч, Базарэвіч, Кенскі, Мардасевіч, Мурза-Мурзіч, Сулеймановіч, Тугановіч, Уланоўскі, Халецкі, Шабуня, Эльязевіч*; польск. *Achmatowicz, Bazarewicz; Korsakowski, Mordasewicz, Safarewicz, Synolski, Tuhanowicz, Szabunia, Eliaszewicz, Urusowicz*; лит. *Bāzaras, Bazaravičius, Eliāšas, Elijōšius, Kōrsakas, Mōrdusas, Saparauskas, Sāparis, Šābanas*. Фамилии, не адаптированные к славянским и балтийским языкам, встречаются реже: бел. *Аксак, Баслык, Корсак, Салтан, Туган, Улан, Шабан*; польск. *Basalyk, Bazar, Korsak, Szaban*; лит. *Mūrza*.

Часть потомков татарских родов, проживающих на территории Беларуси в настоящее время, носит фамилии белорусского (*Александровіч, Багдановіч, Рамановіч, Сенкевіч*), польского (*Заблоцкий, Гембицкий*), а также литовского происхождения (*Довгялло, Нарвойш, Скирмунт, Эйсмонт*), которые появились в результате смешанных браков.

Таким образом, на формирование татарской антропонимии значительное влияние оказала восточнославянская и польская, отчасти литовская антропонимические системы. В проанализированных источниках зафиксированы процессы взаимовлияния, унификации антропонимических систем, функционировавших на полиэтнической территории. Фамилии татарского населения ВКЛ являются ценным лингвистическим материалом,

который позволяет углубить знания по этнолингвистике, исторической лексикологии, диалектологии и теории языковых контактов.

Библиографический список

1. Юркенас Ю. Основы балтийской и славянской антропонимики. Вильнюс: Ciklonas, 2003. 196 с.
2. Вайнрайх У. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования. Благоевещенск: БГК им. И.А.Бодуэна де Куртенэ, 2000. 264 с.
3. Bednarczuk L. Językowy obraz Wielkiego Księstwa Litewskiego. Kraków: Lexis, 2010. 311 s.
4. Канапацкі І. Татары // Вялікае княства Літоўскае: энцыклапедыя: у 2-х т. Т. 2: Кадэцкі корпус – Яцкевіч / рэдкал. Г.П.Пашкоў (гал. рэд.). Мінск: БелЭн, 2006. С. 663 – 665.
5. Łapicz Cz. Tatarzy na rozdrożu kultur // Białostoczczyzna. 1986. № 1. S. 9–13.
6. Bednarczuk L. Там же. С. 20.
7. Антонович А. Белорусские тексты, писанные арабским письмом. Вильнюс: Вильнюсский гос. ун-т, 1968. 418 с.
8. Dacewicz L. Nazewnictwo tatarów a słowiańska kultura nazewnictwa w północnej części Wielkiego Księstwa Litewskiego // Мовы Вялікага княства Літоўскага: матэрыялы IV Міжнар. навук. канф. (Брэст, 18 – 19 мая 2004 г.) / пад рэд. М.М.Аляхновіча. Брэст, 2005. С. 204 – 207.
9. Литовская метрика / Ин-т истории Литвы. Вильнюс, 1998. Кн. 3 (1440 – 1498) / подгот. Э.Банионис. 162 с.: ил. С. 51, 62, 144.
10. Литовская метрика / Ин-т истории Литвы. Вильнюс, 2004. Кн. 4 (1479 – 1491) / подгот. Э.Банионис. 285 с.: ил. С. 51–52, 55, 62, 64, 87–88.
11. Литовская метрика / Ин-т истории Литвы. Вильнюс, 1993. Кн. 5 (1427 – 1506) / подгот. Э.Банионис. 285 с.: ил. С. 118, 267.
12. Перапіс войска Вялікага княства Літоўскага 1528 г. Мінск: Беларус. навука, 2003. 444 с.: ил. С. 51, 59, 63, 104 – 110, 152.
13. Литовская метрика: отд. первый. Петроград, 1915. Ч. 3. 1378 с. (Русская историческая библиотека, Т. XXXIII): ил. С. 498, 509, 535, 581.
14. Акты, издаваемые Археологической Виленской комиссией для разбора древних актов: в 39 т. Вильна. Т. 14, 1888. 703 с.: ил. С. 226.
15. Баскаков Н.А. Русские фамилии тюркского происхождения. М.: Наука, 1979. 279 с.
16. Унбегаун Б.О. Русские фамилии: пер. с англ. М.: Прогресс, 1989. 443 с.
17. Баскаков Н.А. Там же. С. 177.
18. Zinkevičius Z. Lietuvių asmenvardžiai. Vilnius: Lietuv. kalbos inst., 2008. 840 p.
19. Wiśniewski J. Osadnictwo tatarskie w Sokólskiem i na północnym Podlasiu // Rocznik Białostocki. 1959. T. XVI. S. 327–379.
20. Баскаков Н.А. Там же. С. 30–31; 38, 73, 141; 168–169, 211; 233, 250, 255.
21. Трубачев О.Н. Из материалов для этимологического словаря фамилий России // Этимология, 1966. Проблемы лингвогеографии и межъязыковых контактов: сб. ст. М.: Наука, 1968. С. 3–53.
22. Унбегаун Б.О. Там же. С. 296.
23. Баскаков Н.А. Там же. С. 23, с. 62–63; 32; 177.
24. Jankowski H. Nazwy osobowe Tatarów litewsko-polskich // Rocznik Tatarów Polskich 1997. № 4. S. 59 – 90.

References

1. Yurkenas Yu. Basics Baltic and Slavic anthroponimics. Vilnius : Ciklonas, 2003. 196 p.
2. Weinreich U. Language contacts. Status and research problems. Blagoveschensk: BGK named after I.A.Boduen de Courtenay Publ., 2000. 264 p.

3. Bednarchuk L. Language image of the Grand Duchy of Lithuania. Krakow: Lexis, 2010. 311 p. [in Polish].
4. Kanapacki I. Tatars // Grand Duchy of Lithuania: thesaurus: in 2 Volumes. Vol. 2: Cadet corps – Jackiewicz/ Edit. board: G.P. Pashkov (editor in chief). Minsk: BelEn, 2006. 792 p. [in Belarussian].
5. Łapicz Ch. Tatars at the crossroads of cultures // Białostoczczyzna. 1986. № 1. P. 9-13.
6. Bednarchuk L. In the same place. P.20.
7. Antonovich A. Belarusian texts, written Arabic script. Vilnius: Publ. Vilnius University, 1968. 418 p.
8. Dacewicz L. Naming Tatars and the Slavic culture naming in the northern part of the Grand Duchy of Lithuania // Languages of Grand Duchy of Lithuania: Proceed. of the IV Intern. Scient. Conf. (Brest, May 18 - 19, 2004). Brest 2005. P. 204 – 207.
9. Lithuanian metrics Lithuanian Institute of History. Vilnius, 1998. Book 3: The Book of Records (1440 – 1498) / prepared E.Banionis. 162 p.: ill. Pp. 51, 62, 144.
10. Lithuanian metrics Lithuanian Institute of History. Vilnius, 2004. Book 4: The Book of Records (1479 - 1491) / prepared E.Banionis. 285 p.: ill. Pp. 51–52, 55, 62, 64, 87–88.
11. Lithuanian metrics Lithuanian Institute of History. Vilnius, 1993. Book 5: The Book of Records (1427 - 1506) / prepared E.Banionis. 285 p.: ill. Pp. 118, 267.
12. Census troops of Grand Duchy of Lithuania 1528. Minsk: Belarusian science, 2003. 444 p.: ill. Pp. 51, 59, 63, 104 – 110, 152.
13. Lithuanian metrics: Dep. first. Petrograd, 1915. Part 3. 1378 p. (Russian Historical Library, Vol. XXXIII): ill. Pp. 498, 509, 535, 581.
14. Acts issued Archaeographic Commission of Wilno for parsing of ancient instruments. Vilno. Vol. 14, 1888. 703 p.: ill. P. 226.
15. Baskakov N.A. Russian surnames of Turkic origin. Moscow: Science, 1979. 279 p.
16. Unbegaun B.O. Russian surnames: translation from English. Moscow: Progress, 1989. 443 p.
17. Baskakov N.A. In the same place. P.177
18. Zinkevichus Z. Lithuanian personal names. Vilnius: Lith. Lang. Inst. 2008. 840 p. [in Lithuanian].
19. Wisniewski J. Tatar settlements in Sokolski and North Podlasie // Yearbook of Białystok. Vol. XVI. Pp. 327 – 379. [in Polish].
20. Baskakov N.A. In the same place. Pp. 30–31; 38, 73, 141; 168– 169, 211; 233, 250, 255.
21. Trubachyov O.N. Of materials for etymological dictionary of surnames in Russia // Etymology, 1966. Problems linguistic geography and interlanguage contacts: proceedings. Moscow, 1968. Pp. 3 - 53.
22. Unbegaun B.C. In the same place. P. 296.
23. Baskakov N.A. In the same place. Pp. 23, c. 62–63; 32; 177.
24. Jankowski H. Personal names of Lithuanian-Polish Tatars // Yearbook of Polish Tatars 4, 1997. Pp. 59 – 90. [in Polish].

Gurskaya J.A.

SURNAMES OF TURKISH ORIGIN IN WRITTEN MONUMENTS OF THE GREAT DUCHY OF LITHUANIA

The structural and semantic anthroponimics' features of Turkic origin in terms of ethno-linguistic relations that existed on the territory of the Grand Duchy of Lithuania in XIV - XVI centuries are discussed in the article. Mutual influence processes, unification of anthroponimical systems are recorded on the multiethnic territory.

Key words: anthroponims, onomastics, proper names, linguistic and cultural contacts.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ